

Новое о Ломоносове. Материалы и исследования. К 300-летию со дня рождения / Сост., отв. ред. С. С. Илизаров. М.: Янус-К, 2011. 420 с.

Двести лет назад в празднование 200-летия со дня рождения М. В. Ломоносова зародилась традиция издавать к юбилею сборники статей и материалов. С 1940 г. Академия наук по мере накопления исследований о жизни и творческом наследии ученого стала выпускать такие сборники. Последний из них, десятый, подготовленный Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники РАН, вышел к нынешнему юбилею. Другой сборник подобного рода был подготовлен Ломоносовской комиссией при Президиуме СПб НЦ РАН. Все они не только по составу, но и по оформлению придерживались устоявшейся традиции, чего нельзя сказать о рецензируемом издании. Оно выгодно отличается от своих аналогов в первую очередь тем, что в нем одновременно помещены тексты и факсимильные воспроизведения множества архивных документов. Такое совмещение – заслуга составителя сборника, который совершенно справедливо отметил, что «безусловно, настала пора сделать визуально доступными уникальные архивные документы для всех желающих, а не только специалистов. Прикосновение к подлинным материалам дает неизмеримо более мощное психологическое и познавательное воздействие на со-

временного читателя, чем просто типографски набранный текст» (с. 82) Именно такое воздействие испытал и я, читая составленную С. С. Илизаровым книгу.

В совершенном согласии с её названием в ней впервые в полном варианте Илизаров публикует сохраненный академиком Г. Ф. Миллером единственный печатный экземпляр «Слова похвального императору Петру Великому» 1754 года. Вторым открытием сборника является «Древняя российская история», публикатор которой А. Ю. Самарин сумел обнаружить в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) 24 страницы, отпечатанных в 1758 г. для первоначального варианта книги Ломоносова. Как выяснилось при их сличении с изданием 1766 г., в них имелось двадцать неизвестных современным исследователям текстов ученого (с. 51). Впервые осуществленной факсимильной публикации этих листов в сборнике предшествует статья Самарина, в которой он анализирует публикуемый текст и подчеркивает, что последний значительно расширяет круг материалов, «использовавшихся Ломоносовым в его исторических исследованиях».

Много лет назад С. Р. Микулинский (тогда директор ИИЕТ АН

СССР) с грустью сказал мне, что «мы не читаем друг друга». Правоту его слов на собственном опыте испытал и я, испытал ее и Самарин, который трижды публиковал свое открытие, и оно все-таки осталось незамеченным составителями 6-го тома второго издания «Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова» (М.; СПб., 2011).

Хочется обратить внимание и еще на один аспект этой статьи. Я имею в виду сетования автора на неоднозначность оценки исторических работ Ломоносова, которая снова стала объектом полемики (с. 48). В очередной раз возникает «варяжский вопрос», или так называемая норманнская теория происхождения русской государственности, опять наблюдается разногласия во мнениях. Мне казалось, что с выходом в свет небольшой, но предельно объективной книги профессора Университета Тромсё (Норвегия) Й. П. Нильсена¹ «варяжский вопрос» был разрешен. Но и эта книга осталась вне внимания подавляющего большинства наших историков.

К юбилею Ломоносова увидела свет обширная монография ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН М. Б. Свердлова², в которой исследованы его исторические работы. Как полагает автор, «системно-структурный анализ позволил ему во многом по-новому установить, что, как и почему написали о российской истории М. В. Ломоносов, а также другие авторы того

времени». Хочется надеяться, что эта монография достаточно доказательно и, конечно, объективно утвердит место и роль Ломоносова в становлении и развитии исторической науки в нашей стране.

Как мне представляется, по всем параметрам центральной в рецензируемом сборнике получилась статья Илизарова «М. В. Ломоносов в документах и материалах Российского государственного архива древних актов», написанная в наиболее доступном для обычного читателя стиле. Кратко повествуя о жизни ученого, автор останавливается на тех эпизодах, к которым относится тот или иной публикуемый им документ. Этому повествованию предшествует краткий очерк истории формирования фондов РГАДА и с большим уважением к академику Г. Ф. Миллеру показана его роль в том, что в фондах отложилось в подлинниках или в снятых им копиях столь много документов, касающихся деятельности Ломоносова.

В своей статье Илизаров не только воспроизвел документы, которые «не отмечены ни в “Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова”, ни в других изданиях» (с. 109), но и указал, что в РГАДА хранятся и другие не менее ценные. Чрезвычайно интересна поколенная роспись зятя Ломоносова Алексея Алексеевича Константинова, которую он приложил к челобитной от 19 февраля 1773 г. В ней живыми указываются его дети (внуки ученого) – Алексей, Софья и Екатерина (с. 110).

Несмотря на разногласия с Ломоносовым, «Миллер собирал и сберег значительное количество сочинений Ломоносова, большею частью литературного содержания», пишет далее Илизаров и подвергает это собрание

¹ Нильсен Й. П. Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992.

² Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.

Миллера тщательному разбору. При этом он замечает, что категоричная атрибуция Г. Н. Моисеевой стихотворных произведений Ломоносова не вызывает у него доверия. Действительно, эта исследовательница была известна чрезмерно категоричными утверждениями, не выдерживающими иной раз критической проверки. В некоторых случаях Илизаров атрибутирует приписываемые Ломоносову стихотворения другим авторам. Так, стихотворение «О страх, о ужас! Гром...» автор статьи вслед за П. П. Пекарским склонен приписать И. С. Баркову. В этом случае описание архивных документов РГАДА у Илизарова переходит в литературоведческий анализ – и это не упрек автору, а похвала. Мне показался важным и другой впервые опубликованный документ «В печальную комиссию от маршала [...] Ломоносова» (с. 122), в котором Ломоносов перечисляет бывших на похоронах императрицы Елизаветы Петровны сотрудников Академии наук. Согласно этому документу, в составе Академии наук в феврале 1762 г. было семь академиков и три адъюнкта. Кроме Ломоносова академиками и профессорами были Иоган Фишер, Адам Браун, Иоган Цейгер, Семен Котельников, Иоган Леман и Франц Эпинус, адъюнктами – Иоган Трускот, Николай Матонис и Григорий Козицкий. Как видим, то были не лучшие времена академии.

В статье приведены факсимиле двух «Клятвенных обещаний», первое из которых, подписанное Ломоносовым в церкви апостола Андрея Первозванного 30 июля 1745 г. в связи с его вступлением в должность профессора Академии наук, было опубликовано в книге «Русская культура и М. В. Ломоносов» (СПб.,

2005), правда без указания источника и без факсимильного воспроизведения, а второе, подписанное Ломоносовым в Исаакиевском соборе 9 февраля 1762 г. в качестве управляющего казенной фарфоровой фабрикой, опубликовано впервые. Ломоносову пришлось приносить присягу и в третий раз, когда он получил чин статского советника. Все это – интересные детали, характеризующие время, в которое жил Ломоносов. Не стану рассматривать другие документы РГАДА, описанные в статье Илизарова, отмечу только, что все, что он пишет, заслуживает всяческого доверия и, в частности, то, что в этом архиве еще много работы для исследователей жизни и деятельности Ломоносова.

В отличие от метода публикации документов, примененного в статье Илизарова, автор следующей работы И. Н. Юркин предваряет публикацию документов Берг-коллегии («сотрудника» Ломоносова в проекте создания «Российской минералогии») анализом проделанной до него работы по обзору хранящихся в РГАДА соответствующих документов. Анализ оказался предельно скрупулезным и основательным, но, как мне показалось, трудно воспринимаемым в таком издании. Интересны замечания общего характера, высказанные в конце статьи, о том, что Берг-коллегия «достаточно серьезно отнеслась к порученному делу» и о том, что на запросы этой коллегии «довольно дружно ответили заводы». Все это дало бы Ломоносову возможность осуществить свой грандиозный замысел, если бы не преждевременная его смерть. Следующая за этой статьей публикация документов, которые были для этого отобраны автором, производится без факсимиле последних, только

в виде текстов, что, к сожалению, не соответствует стилю всего сборника, но, понятно, не умаляет научного значения документов.

К очень интересной статье Л. А. Петровой и М. В. Ворожбитовой, посвященной реликвиям Ломоносова, хранящимся в Государственном историческом музее Москвы, мне хочется сделать лишь одно замечание. Известно, что И. И. Шувалов в 1757 г. заказал французскому гравюру Э. Фессару портрет Ломоносова для первого тома собрания его сочинений, издававшегося при Московском университете. С этой целью во Францию был послан живописный портрет Ломоносова, выполненный, по-видимому, австрийским художником Г. Г. Преннером, который в то время был приглашен в Петербург покровителем Ломоносова М. И. Воронцовым. По указаниям Ломоносова гравюру Фессара была исправлена академическим гравером Х. А. Вортманом. Представляется вероятной версия, что либо сам Ломоносов, либо его вдова попросили кого-то из художников-мозаичистов (например, М. В. Васильева или Е. Т. Мельникова) воспроизвести гравюру Фессара-Вортмана в увеличенном виде и сделать на ее основе парадный большой (ок. 130 × 105 см) поколенный портрет ученого. Этот портрет перешел к его потомкам – дочери Елене Михайловне и ее мужу А. А. Константинову, внучке Ломоносова Софье Раевской, ее сыну Александру, затем ее внучке Александре Александровне Раевской. Последним его владельцем был сын Александры от брака с графом Ностицем. Григорий Иванович Ностиц представил этот портрет для экспонирования на выставке «Ломоносов и Елизаветинское время», проводившейся в Петербурге в

1911 г., и сохранял у себя до 1917 г. Дальнейшая судьба портрета неизвестна, осталась лишь его черно-белая репродукция. В Государственном историческом музее имеется подтвержденная сравнением с репродукцией копия этого портрета, к созданию которой, как считает один из исследователей, имел отношение Денис Иванович Фонвизин. В 1783 г. директор Академии наук княгиня Е. Р. Дашкова решила заказать портрет Ломоносова для украшения конференц-зала здания академии. 8 февраля она приказала взять упомянутый выше портрет у владевшего им Константинова и передать ученику художника Л. С. Миропольского И. Михееву. По заказу Дашковой Миропольский написал портрет за три недели, и 25 февраля 1783 г. его вывесили в конференц-зале, а оригинал возвратили Константинову.

Статья А. Ю. Самарина, цель которой «дать характеристику владельческих признаков в экземплярах прижизненных изданий М. В. Ломоносова», хранящихся в Российской государственной библиотеке, представляет собой увлекательное их описание, которое дает представление о достаточно широком распространении книг Ломоносова среди читающей публики того времени, не только близких к нему людей, но и «выдающихся деятелей отечественной культуры и библиофилов второй половины XVIII–XX веков». Владельческие записи свидетельствуют о том, что книгами Ломоносова пользовались и представители дворянства и духовенства, причем особенно важными для биографии Ломоносова являются экземпляры, в которых есть записи о владении книгами Ломоносова главой Архангелогородской и Холмогорской епархий Варсонофием. Со-

хранилось лишь одно письмо Ломоносова к Варсонофию, однако записи его на книгах дают право полагать, что переписка между ними была более оживленной, но письма эти не сохранились.

Поднятую в этой статье тему продолжает Т. А. Опарина, описывающая прижизненные издания Ломоносова, хранящиеся в Государственной публичной исторической библиотеке. Среди приведенных ею сведений очень примечателен своеобразный «диалог», который на полях «Древней российской истории» ведет с Ломоносовым И. Е. Забелин, русский историк, археолог, коллекционер, организатор музейного дела. Он то поправляет Ломоносова, то дополняет его, то возражает ему, что свидетельствует о громадном интересе одного историка к работе другого.

Статья А. Л. Лифшица «Прижизненные издания М. В. Ломоносова и их владельцы» знакомит читателя с изданиями Ломоносова, которые хранятся в Научной библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Нельзя не согласиться с очень эмоциональным утверждением автора: «Особенности переплета, владельческие знаки и записи, читательские пометы, гриффонажи – все это бесценные и трогательные следы того внимания, с которым читатели XVIII, XIX и XX столетий обращались к сочинениям своего великого соотечественника и которые являются свидетельством неразрывной преемственности русской науки и культуры на протяжении более чем двух с половиной столетий» (с. 236). Особенно трогательны стихотворные опыты читателей, записанные на листах ломоносовских книг, в которых авторы выражают свои чувства относительно творений Ломоносова и их

признания. Мне очень понравилось одно из читательских стихотворений, написанное «почерком XIX века». Оно звучит злободневно и в наши дни, и мне хочется частично процитировать его:

Есть русские, что Русь по моде восхваляя,
Презренье к ней в душе с холодностью таят.
По слухам от других об ней немного зная,
Безвинно край родной не любят и бранят.

Хотелось бы заметить, что маргиналии, т. е. записи на полях книг – это исчезающий в наши дни «жанр», когда читатель мгновенно реагирует на содержание читаемого текста. И эти зафиксированные всплески эмоций вместе с вызвавшим их поводом составляют громадную культурную ценность, свидетельствуя о ментальности представителей того или иного исторического периода, живущих в различных регионах. Наш известный медиевист А. Я. Гуревич писал о диалоге культур, разделенных временем, поэтому для исследователей такого диалога записи на полях книг являются неоценимыми историческими источниками.

Первый раздел «Материалы» рецензируемого сборника заканчивается статьей петербургских авторов В. П. Леонова и Е. А. Савельевой, рассказывающих о пометах Ломоносова в рукописных книгах библиотеки РАН, и статьей А. И. Гамаюнова, публикующего первоначальный текст рукописной книги П. И. Челищева «Подробный журнал путешествия моего 21/VIII 1791 г.», сопровождаемый его факсимильным воспроизведением.

Во втором разделе сборника «Исследования» опубликованы семь статей, из которых мне, прежде всего, хотелось бы обратить внимание на статью одной из старейших исследователей жизни и творчества Ломоносова ныне покойной Галины Евгеньевны Павловой. Она единственная последовала за В. П. Зубовым, который первым обратил внимание на важность трудов Ломоносова для историографии естествознания в России. Автор статьи сумела внимательно проанализировать естественно-научные работы Ломоносова с историографической точки зрения, показав тем самым еще одну сторону ломоносовского творческого наследия.

В следующей статье историки географии О. А. Александровская и А. В. Постников рассмотрели произведения Ломоносова, относящиеся к минералогии, геологии, гляциологии, климатологии, горному делу и так далее под общим углом зрения наук о Земле. Обзор получился очень интересным еще и потому, что авторы показали, как научные взгляды Ломоносова проявлялись в его поэтических произведениях. Я бы только избегал утверждений типа «Ломоносов впервые...», поскольку даже в России в его время были такие люди, как блестящий специалист в области горного дела и металлургического производства Георг Вильгельм (Вилим Иванович) де Геннин и Иоганн Вильгельм (Иван Андреевич) Шлаттер, автор учебного пособия по горному делу и металлургии. Изучение их трудов – не самое сильное место отечественной истории горного дела и переработки руд.

Пожалуй, особого внимания в этом разделе сборника заслуживает статья Е. М. Сенченковой, посвященная роли Ломоносова в формирова-

нии «истоков идей научного ведения сельского хозяйства в России». Мне не приходят на память исследования, посвященные этой тематике, которая почему-то оставалась далеко от центра внимания ломоносоведов. А зря! И это блестяще показано в рассматриваемой статье. Ее автор впервые последовательно показывает путь Ломоносова к сельскохозяйственной науке, анализирует под этим углом зрения его труды в других науках, обнаруживает и собирает научно атрибутировать Ломоносову «Предисловие» к книге Ф. Г. Фокеля «Описание естественного состояния растущих в северных российских странах лесов...» (факсимильное воспроизведение этого «Предисловия» приведено в сборнике вслед за статьей), но также уделяет большое внимание рассмотрению ломоносовского документа «Мнение об учреждении государственной коллегии земского домостроительства». Мне представляется, что вывод Сенченковой о том, что этот документ «в правящих кругах канул в неизвестность» (с. 387) излишне пессимистичен. Скорее всего, он все-таки дошел до императрицы, о чем свидетельствует создание и деятельность Вольного экономического общества. Однажды высказанные полезные идеи латентно живут в обществе (мысль В. П. Зубова) и иной раз воплощаются в жизнь. Так случилось и с другими идеями Ломоносова.

В сборнике вполне уместны подготовленные И. С. Зверевой биография Д. Д. Шамрая и публикация его рукописных добавлений к полному собранию сочинений Ломоносова, вышедшему в 1950–1959 гг. В когорте ученых, посвятивших свои знания и силы этому первому действительно полному собранию ломоносовских трудов, Дмитрий Дмитриевич Шам-

рай достойно занял, наконец, свое место.

Сведениями о Винценте Райзере, отце сокурсника Ломоносова в Германии Густава Ульриха Райзера, впервые собранными И. Н. Юркиным, заканчивается этот замечательный сборник. Автор считает, что В. Райзер сыграл громадную (правда, косвенную) роль в судьбе Ломоносова. Именно по его предложению наших трех студентов направили не сразу учиться профессии, а сначала в немецкий университет, чтобы получить современное естественно-научное образование. К этому вполне справедливому утверждению мне хочется добавить еще то, что до этого

русских юношей посылали в Европу с прагматической целью – учиться какой-либо профессии или ремеслу. С подачи Райзера русское правительство прониклось пониманием того, что уж если посылать на учебу наших студентов, то целесообразнее, чтобы они получали современное высшее образование, и впоследствии часто придерживалось этой практики. Как видно, Райзер сыграл свою роль в развитии русской культуры и науки.

В заключение хотелось бы высказать сожаление об отсутствии в сборнике именного указателя.

Э. П. Карпеев